Лето моих сестер. Фантазия об инцестуальном гареме

Ник Сторминг

Любые ссылки на исторические события, реальных людей или реальные места — случайны. Имена, персонажи и места являются плодом воображения автора.

Часть первая

Глава 1

Самое трудное в жизни в одном доме с двумя великолепными сводными сестрами — это постоянно скрывать свою эрекцию.

Всё было бы проще, если бы не было так стыдно, но они обе настаивали на том, чтобы щеголять по дому в одних только в трусиках и топиках. И натягивали шорты или футболки с рукавами, только когда мама покрикивала на них.

Бонни, по крайней мере, не пыталась специально дразнить меня. Младшая, она никогда не была флиртующей девочкой. Книжная и застенчивая, она и ее подруги проводили большую часть времени в школе и в библиотеке, когда не тусовались в театре. Она была красивой и стройной брюнеткой, но, будучи выше по сравнению со своей сестрой-блондинкой, она убедила себя, что не очень привлекательна.

С другой стороны, Энистон знала, какое влияние она оказывает на мужчин. С самого раннего возраста она могла привлечь внимание любого человека в комнате, просто войдя в нее. Королева нашей средней школы, а теперь и женского студенческого сестринства, она жила идеальной жизнью.

Наши родители сбежались после месячного романа, когда я уже учился в средней школе. После их медового месяца, мы переехали в огромный дом в новом штате, где мой отец получил работу, и я впервые оказался со своей собственной ванной комнатой.

Девочки игнорировали меня первые несколько лет, слишком занятые своими друзьями и школьной драмой, чтобы беспокоиться о мальчике в их доме, который бегает вокруг и глазеет на них. Но с мачехой мы стали очень близки.

Мой отец был "свободным" человеком, который даже не женился на моей биологической

матери. Не знаю, как Элла уговорила его сделать ей предложение, но брак продлился недолго. Через шесть месяцев после того, как девочки переехали к нам, мой отец съехал от нас и снял себе двухкомнатный "дворец любви". Раз в неделю мы ходили с ним вместе обедать, но на этом его воспитание меня закончилось.

Моя мачеха Элла стала моим единственным родителем в те годы. Она следила за моей учебой в школе, появлялась на футбольных и баскетбольных матчах, когда я присоединялся к командам.

Возможно, это было чувство вины, потому что мой отец присылал нам достаточно денег, и она могла позволить себе не работать. Но я думаю, что мы были просто родственными душами, которые находили в другом человеке именно то, в чем нуждались. Обе её дочери были волевыми и бунтовали против нее в старших классах, а у меня никогда не было ни статуса, ни родной мамы.

Я провел не одну ночь, мечтая о маминой фигуре и её лице с высоким скулами, от которых падали челюсти. Но потом я всегда чувствовал себя виноватым и порочным за эти фантазии. Мои мечты о золотоволосой Энистон и застенчивой Бонни были свободны от этих темных эмоций, и я возвращалась к ним снова и снова.

Средняя школа была трудным временем для меня. Из-за драм дома и переезда в новый штат мне потребовалось время, чтобы найти свое место. Я хороший спортсмен и преуспел в различных дисциплинах, но никогда не вписывался в круг спортсменов. У ребят, которых я встречал в классах, отличников и отличниц, было больше общего со мной, и я подружился с "ботаниками".

Не помогало и то, что моя сводная сестра была самой сексуальной девушкой в школе. Вместо того чтобы это сделало меня популярным, это заставляло парней чувствовать себя неловко рядом со мной, а девушки не хотели иметь со мной ничего общего. Если я был бы крутым в глазах Энистон, возможно, все было бы по-другому. Они могли бы захотеть сблизиться со мной, чтобы быть рядом с ней. Но я был "ботаником", и Энистон не забывала упомянуть об этом, когда мы проходили мимо друг друга в коридорах школы.

— Вот мой младший брат — ботаник! — шептала она и показывала пальцем, а ее подружки добавляли: "Фуууу!", чтобы подчеркнуть мое унижение.

Когда она закончила школу, все стало проще, и я лучше узнал Бонни, в последний год ее учебы в школе. У нас был один и тот же класс математики, и мы часто вместе готовились к тестам. У нее острый и пытливый ум и мрачное чувство юмора, которое мне нравилось, но что-то мешало ей стать слишком близкой ко мне. Меня постоянно расстраивало то, что Бонни замыкалась и не давала шанса нашей зарождающейся дружбе. Затем проходило несколько недель, прежде чем она снова начинала открываться.

Все изменилось после того, как я окончил школу. Я планировал вернуться на Восток, чтобы учиться, желая уехать подальше от этого места, но потом меня приняли в Стэнфорд. Эта

возможность была слишком хороша, чтобы упустить ее, а поскольку до него был всего час езды, я мог приезжать домой по выходным, чтобы постирать белье и поесть еду, приготовленную не в микроволновке или разогретую на горячей плите.

Моя мачеха была в восторге, но у девочек была странная реакция.

Бонни не встречалась со мной взгляд и не разговаривала после краткого поздравления с поступлением. Сначала я подумал, что это ревность, потому что она всегда любила "Лигу плюща" (престижные университеты США — прим.пер.). Но, на самом деле, Бонни любила театр, и ее школа, "Cal Arts", идеально ей подходила.

Реакция Энистон была еще более странной.

Моя старшая сестра сделала паузу, когда узнала новости от моей мачехи, и озадаченно нахмурилась, глядя на меня.

— Они взяли тебя на медицинский факультет?

— Наверное, да, — сказал я, пожав плечами.

— Не гадай, — сказала она, сжав свой пухлый ротик. — Знай. Ты не можешь там появиться, кривляясь и сморкаясь, как в старших классах.

— Я не кривлялся, — сказал я, чувствуя, как мой гнев пробуждается, а на лице проявляется злость.

— Хороший мальчик, — Энистон подмигнула своими длинными накладными ресницами. — Держи на уровне свою ЭБХ, когда появишься там, и станешь лидером. Потеряешь её и снова станешь неудачником.

Я хотел спросить ее, что означает ЭБХ, но она уже выскочила из дома. Пока моя мачеха планировала вечеринку на конец месяца, я лежал на одеялах, пытаясь заглушить свой гнев на Энистон. Еще хуже было то, что я подозревал, что она права.

У меня никогда не было проблем с друзьями, когда я был моложе. Я был одним из самых популярных учеников в начальной и средней школе. Что-то изменилось в средней школе, и я не смог вернуть себе былую уверенность. Вытеснив из головы все тревоги, я натянул плавки и отправился в бассейн.

На мой телефон приходили поздравительные сообщения, а один из друзей пригласил меня выпить с ним в честь праздника. Идея о том, чтобы пить теплое пиво в его подвале, меня не привлекала, и я нырнул в прохладную воду, позволяя ей разогнать грусть, которую я чувствовал из-за того, что не смог сбежать из этого дома.

Это был не плохой дом; на самом деле, это был один из лучших домов, которые я когда-либо знал. Но жить рядом с Энистон и Бонни было невыносимо. Я получил еще одно напоминание о том, что это невозможно, когда моя старшая сестра вернулась домой через двадцать минут после ухода, с двумя сестрами из сестринства и пляжными полотенцами. Я внутренне застонал, когда увидел, что они направляются к бассейну.

На мгновение я подумал о том, чтобы удалиться в свою комнату, но потом гнев вернулся, и я решил не позволить Энистон прогнать меня, как она обычно делала.

— Убирайся отсюда, Джейк, — сказала она, бросая полотенце на шезлонг и расстегивая льняной халатик, прикрывающий ее тело в бикини. — Мы будем здесь весь день, и я не хочу, чтобы ты подслушивал, когда мы будем говорить о всякой милой ерунде.

— Нет, — сказала я, с ухмылкой вылезая из бассейна и опускаясь на шезлонг, на котором лежало мое полотенце.

— Все нормально, Эни, — сказала Лаура, улыбнувшись своей подруге. — У меня тоже есть надоедливый младший брат.

— Джейк не надоедливый, — наставительно сказала своей подруге Виктория, затем покраснела и пригнула голову, когда Энистон издала горловой звук отвращения.

— Не надо, Вик. Я не хочу слышать об этом сегодня.

Румянец Виктории стал еще глубже, и она не встречалась со мной взглядом, пока раскладывала полотенце. Виктория и Лаура были обычными гостьями в нашем доме. У нас был не только был бассейн, где они могли проводить время, но моя мама всегда держала полный холодильник со здоровой пищей, которую девочки поглощали, как мальчики-подростки.

Виктория — симпатичная, с русыми волосами, вздернутым носиком, губками в форме бутончика розы и мягкими, округлыми щечками. Если бы не ее тело и очарование, я не уверен, что мои сестры возвели бы ее в королевское достоинство в их сестринстве. Но тело Виктории обсуждалось не только мальчиками в их колледже, но и везде, куда бы она ни пошла.

Фанатичка фитнесса. Её тело было мускулистым, но не громоздким. С попкой, от которой может отскочить четвертак, и сиськами, такими круглыми и упругими, что они выглядели ненастоящими, но они были натуральными.

Лаура — противоположность Виктории во многих отношениях.

Громкая и кокетливая, эта латиноамериканка лишь немного уступала моей сестре в умении кружить головы. Ее черные волосы свисали вниз по спине, обрамляя лицо с толстыми губками и большими темными глазами, и намекали на самые темные желания. Ее тело было мягким и с

изгибами: узкая талия, плоский животик и пухлый задок, уравновешенный массивной грудью.

Энистон выше их обоих, с густыми волнистыми светлыми волосами. Ее торс и конечности стройные, как у ивы, а на груди расположилась пара великолепных сисек. Тяжелые и налитые, я видел их по контурам мягких рубашек, которые она носила, ареолы пухлые, а соски — торчащие.

Я постарался выбросить это знание из головы, пока лежал и наслаждался солнцем. Попытался также игнорировать разговор девушки, но это оказалось не так просто.

http://erolate.com/book/2069/58073